

ИСЛАМ ХАНИПАЕВ

ВАХАД 84

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

ФАНТАСТИКА

МИО

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Инстинкт выживания	5
Глава 2. Хищники и жертвы	48
Глава 3. Я быстро учусь	79
Глава 4. Остаться человеком	106
Глава 5. Мы — шахтеры	167
Глава 6. Бабочка	212
Глава 7. Тебя зовут Кейтлин	256
Глава 8. Лучший против лучшего	294
Глава 9. От изгоя до героя	320
Благодарности	350

В СЕРИЮ ВХОДЯТ КНИГИ:

ЛУНА 84. В КЛЕТКЕ

ЛУНА 84. ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

ЛУНА 84. ЦЕНА СВОБОДЫ

Луна 84

ИСЛАМ ХАНИПАЕВ

ЛУНА
84

ПЕРЕРОЖДЕНИЕ

Москва
МИФ
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13
X19

Ханипаев, Ислам

X19 Луна 84. Перерождение / Ислам Ханипаев. — Москва : МИФ, 2025. — 352 с. — (Луна 84).

ISBN 978-5-00250-265-3

В исправительной колонии на Луне продолжается борьба за выживание. Бывший хакер Дэниел Стоун пытается сплотить заключенных и сломать тюремную систему. Но для этого ему придется измениться самому и научиться читать «Мункейдж», распознавая сигналы об опасности на уровне инстинктов. Ключ к свободе кроется в истории колонии, которую хранит самый первый арестант. Достоин ли Стоун узнать правду и на что он готов ради друзей и девушки с огненными глазами?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Книга не пропагандирует употребление табака, наркотических или любых других запрещенных средств.

Согласно закону РФ приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, а также культивирование психотропных растений являются уголовным преступлением.

Употребление табака, наркотических или любых других запрещенных веществ вредит вашему здоровью.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00250-265-3

© Ханипаев И., 2025

© Оформление. ООО «МИФ», 2025

ИНСТИНКТ ВЫЖИВАНИЯ

Карцер. День первый.

С виду карцер такой, каким и представлял его Стоун: три глухие стены вместо чертовых решеток и одна с металлической дверью с двумя раздвижными окошками сверху и снизу. Вдоль стен закреплены светодиоды, от которых исходит вялое оранжевое сияние, ровно по центру потолка — панель, заполняющая карцер тусклым белым светом. Вокруг — пара десятков черных дыр. Прямо в потолке. Для чего — непонятно.

Стоун приходит в себя не сразу. Парадоксально, но, даже разбитый, он полностью осознает происходящее. Он понимает, что чувствует себя так из-за удара шокером, понимает, что на некоторое время утратил способность рассуждать логично, но это скоро пройдет — настолько скоро, насколько вообще возможно при такой частоте ударов током.

Стоун знает, что просто нужно подождать. Пока он не вернет способность действовать адекватно.

Следующий час он заворуженно смотрит на светодиоды, которые то гаснут, то вспыхивают вновь. Замечает собственные босые ноги — они мерзнут, будто впитали

весь холод пола. Когда голова приходит в порядок, он осматривается. Усмехается своему невезению, но в этот раз все по-другому. В этот раз его лишили сознания по собственному желанию.

Стоун рискнул: поставил все на самый безрассудный поступок в своей жизни — нападение на охранника, — и ставка сработала. Вместо казни Браун выбрал публичную порку.

Хадир пару раз рассказывал о карцере и делал это по привычке шепотом, будто боясь навлечь на себя беду. Сюда периодически бросают самых злостных нарушителей на недельку, но месяц — это разовые случаи. Вроде два предыдущих неудачника погибли, но они оба были ранены в массовой драке. До них в карцер попадал лишь Павел — сразу на четыре месяца. Так Браун оценил откушенное ухо зазевавшегося охранника и еще через год столько же дал за покушение на самого себя. И Павел умудрился выжить. Но все, что было до Стоуна, — мифы «Мункейджа». Чьи-то фантазии. Важно лишь то, что происходит прямо сейчас, — а сейчас в карцере именно он, и именно он должен выжить.

Хочется думать, что теперь он достиг дна. Возможно, он в худшем положении из возможных, а значит, хуже уже не будет. Разве что окончательная и бесповоротная смерть, что гоняется за ним с первого дня в колонии.

Стоун осматривает карцер еще раз. Кроме унитаза — ничего. Ни раковины, ни койки. Камера с унитазом. Прекрасно. Два метра в ширину, три в длину. Высотой около трех метров. И абсолютная тишина. Ни треска электричества, ни гула вентиляционных труб, ни шума канализации.

Он закрывает глаза, будто впуская в себя эту тишину, это спокойствие — впервые за все время на Луне, — и делает глубокий вдох, готовясь принять новый вызов. Браун обещал наставить его на путь истинный, и, видимо, это начало пути, итог которого вряд ли устроит начальство.

Спустя полчаса Стоун чувствует головную боль и необъяснимую тяжесть век. Дело не в прохладе — бывало и холоднее, и даже не в воздухе — ничем особенным не пахнет.

«Гребаное расщепление...» — бормочет он себе под нос.

Но оно сопровождается обильным потоотделением, которого сейчас нет.

Стоун садится у стены и быстро понимает, что это плохая идея. Стены и пол, по всей видимости, искусственно охлаждены.

«Решай проблемы поэтапно. В этом ты лучший. Соберись, Стоун».

Сказав себе это, он садится и натягивает штанины на ступни. Терпимо. Большую часть времени он проведет, сидя на холодном полу, а значит, нужно как-то изолировать от него тело, иначе верная смерть. Решение приходит быстро. Крышка от унитаза поддается после нескольких ударов ногой.

В детстве отец часто повторял, что уши и ноги должны быть в тепле.

Ноги в норме. Уши...

Стоун поднимает воротник максимально высоко. Затем высвобождает руки из рукавов. Майку заправляет в трусы, а куртку — в штаны, чтобы не оголялась спина. Руки засовывает в штанины и обхватывает пальцы ног. Дышит строго внутрь куртки. Скитаясь несколько месяцев по карантинной зоне Чикаго, он приобрел базовые

навыки выживания и знает правило: «Холодный человек — как правило, мертвый человек».

Вскоре нижнее окошко в двери распаивается, и внутрь влетает миска с супом и пластиковый стакан, закрытый крышкой.

— Как доешь, миску и стакан поставишь у двери!

Стоун берет в руки миску. Подносит ко рту и разменными глотками выпивает холодный суп. В стакане оказывается просто вода.

Через час холод начинает побеждать. Стоун растирает тело. Не помогает. Он машет руками, прыгает, разминается, но аккуратно. Потеть нельзя, он это понимает. Головная боль усиливается. Прошло всего несколько часов, а тело уже сдает.

Волнами накатывает желание сдаться. Он сопротивляется, напоминая себе, что должен выжить. Обязан — но на вопрос «зачем?» не находится ответа. У него ничего не осталось. Он в тюрьме на Луне. Надо быть тупицей, чтобы хоть на секунду допустить, что он когда-либо вернется домой. Остаток дней он проведет в «Мункейдже». Ради чего ему жить? Чтобы изо дня в день бороться за существование, проходя через побои, оглядываться по сторонам в ожидании кого-то с намерением ткнуть в него чем-нибудь острым?

Он обещал отцу, что они еще встретятся, но этому не суждено сбыться. Никогда. Никог...

«Жить... Жить... Жить...»

Стоун ходит из угла в угол. Один раз. Десять раз. Пятьдесят.

Три шага в ширину. Четыре в длину. Почти пять наискосок.

«Никогда не вернусь. Никогда. Жить. Не вернусь. Никогда. Жить. Жить. Выжить. Вернусь. Выжить, чтобы

вернуться... Когда? Месяц. Выжить, чтобы вернуться через месяц. План. Теперь есть план. Помни. Есть план. А карцер...»

Карцер создан, чтобы лезть в голову. Стоун не знает, сколько времени здесь провел. Долго. Очень долго. День?

Прошел ли хотя бы час? Время никак не рассчитать, но можно предположить, что ему приносили ужин. Этот суп дают только на ужин. Часа три точно прошло, и уже все плохо. У него есть план — но и у них есть план.

«Какой у вас план? — спрашивает он у двери, но та не отвечает. — Я знаю, вы что-то задумали. Мой план. Ваш план. Что в супе? Отравы. Я обычно не такой. Как вы это делаете? Что в супе? Как вы залезли мне в голову? Вода отравлена? Что-то отравлено... Воздух? Хитро... Или свет...»

Приходит осознание, что, в отличие от других попадавших в карцер, в отличие от них всех, у него есть преимущество. Он работал в NWC, он боролся с NWC, а «Мункейдж» лишь один из их проектов, и в этой клетке они используют свои наработки. Такие, как светодиоды HWS 3.0! Конечно! Те самые *hardwork stimulators*, которые они тестировали целый год в одном из подразделений. Эти стимуляторы должны бороться с сонливостью, со снижением концентрации. Эксперимент закончился после суицида одного из сотрудников. Другие жаловались на головные боли, но им обещали все отрегулировать. А через пару месяцев «бурильщики» вскрыли совместный проект NWC и Вооруженных сил США — создание допросной комнаты, где любой преступник рано или поздно заговорит. И причиной тому будут не физические пытки, а хитрая работа со светом.

Светодиоды прячут сигнал за этим мягким цветовым переливом, и выявить его нетрудно. Стоун накидывает

на голову куртку, прижимается к стене, оказываясь в максимально возможной в этих условиях темноте, и получает ответ. Каждые пять секунд происходит едва уловимая глазом вспышка, несущая яд для разума.

«Эти штуки тут не для освещения. Это возможность проникнуть в мозг», — разоблачает он вслух карцер.

Никто из заключенных не мог об этом знать. Каждая минута пребывания тут сдавливала их сознание. Только глупец избавится в карцере от освещения. Самсуров не глупец. Он нашел способ противостоять этой постоянной вирусной атаке.

«Так не пойдет. Я хакер. Не вы. Это я вирус. А вы система».

Стоун осматривается.

«Шесть. Плюс один белый наверху».

Он залезает на унитаз и рассматривает стекло, за которым прячется светодиод. Крепко прикрутили — до лампочки не достать. Стоун бьет по стеклу ребром ладони — плотное. Спрыгивает.

Чем же... Миска!

Он хватается миску, залезает обратно и после нескольких попыток ломает стекло, затем ломается и лампочка. До остальных светодиодов он достает, подпрыгивая, и разбивает их вдребезги. Тяжело дыша после незапланированной зарядки, радуется успеху. Остается свет на потолке. Дотуда не достать, да и надо ли? Возможно, это единственный настоящий светильник. Вновь проверяет помещение на наличие хитроумных вспышек — ничего — и вдруг вскрикивает: «Чтоб тебя!» Хватается за ногу и осматривает окровавленную пятку. Собирает осколки стекла, подносит их к унитазу, но останавливается.

«Думай головой, — наставляет он сам себя. — Все может пригодиться».